

1

Сорок лет назад, в 2102 году, к Земле на скорости девятнадцать миль в секунду устремился астероид Сэссё-сэки. Никто его не заметил, кроме Акиры Кимуры — спасительницы, героини всего треклятого человечества. Она обнаружила астероид с помощью величайшего телескопа в истории, построенного на самой высокой горе Земли, вычислила траекторию и изобрела средство защиты — Аскалон, космический луч, спасший весь мир. Луч нес столько энергии, что навсегда оставил след — вечный рубец на небе. Люди назвали его Шрамом Аскалона.

В то десятилетие каждую четвертую девочку называли Аскалон; так называли и мою дочь, которой скоро исполнится полтора года. Я злился, но жена настояла. По крайней мере, вскоре популярность этого имени снизилась вдвое. Теперь мало кто помнит название «Сэссё-сэки» — камень-убийца, зато Аскалон знает каждый. Может, так вышло потому, что Акира назвала астероид по-японски. А нынче быть японцем значит

все меньше и меньше. Как и быть белым. И черным. И латиносом.

Мой путь лежит на 177 атмосфер ниже уровня моря, в Вулкано-виста — величайший глубоскреб мира. Когда-то на такой глубине раздавливало самые совершенные субмарины, но мы одолели глубину, как одолели глобальное потепление, Сэссё-сэки и старость в шестьдесят. Мне теперь восемьдесят — наконец дожил до выплаты соцстраховки, но еще лет пять или десять проскриплю. У меня уже четвертая жена и несколько детей, но Аскалон похожа на меня больше других — такая же непоседа, не знает сна и любит ходить задом наперед. Пожалуй, радоваться нашему сходству дурно и эгоистично. В сущности, по возрасту я гожусь ей в прадеды.

Чем старше становлюсь, тем больше думаю о числе. Чертовски много думаю — смешно, если вспомнить, что считать в уме получается все хуже. Ну, за меня всегда может посчитать ИЭ.

Кабина лифта открывается: выходит паренек лет шестнадцати, покрытый синими тату. У него небрежная мальчишеская походочка, розовые волосы унисекс закрывают правую половину лица. Он очень старается выглядеть как персонаж мультфильма. Может, мы все по молодости к этому стремимся — и не без успеха. На всех одинаковые удобные термоизолирующие пенокомбinezоны из синтетической пряжи с покрытием из проводящих металлов. Вроде старых гидрокостюмов, только на этих чешуйчатая металлическая

пленка, позволяющая менять цвет и узор. Кое-кто, в том числе моя жена, покрывают их тонкими накидками. У нынешних детишек в моде закатанные рукава и голые животы, а нам, людям постарше, нравится, когда костюм подтягивает брюшко. ИЭ подстроит ваш терм под дождь, солнце и океанские прогулки. На этом парнишке, разумеется, тоже терм. Проходя мимо, он почесывает механический голубой хвост необыкновенно длинными розовыми пальцами, погружаясь в персональную зловещую долину, где синтетические подражания живой природе вызывают мурашки по коже. Может, теперь у подростков в моде поддельные хвосты, заодно с этими их «хемо» и «сими». Кто их знает, да и кому охота разбираться? Со мной в лифт заходит усталая супружеская пара: женщина сражается с юбкой-зонтом, не желающей превращаться в жесткий конус. Юбка явственно поскуливает. Когда дверь закрывается, я смотрю на свое отражение в зеркальной поверхности. Если бы я так сражался со старостью, походил бы на куклу чревовещателя.

Эта пара на вид из тех, что арендует двенадцативольтовый интеллект, который им не по карману. Десять лет лезут из кожи вон, и все впустую. Они выходят на пятой атмосфере, и я в одиночестве продолжаю спуск по трубе из закаленного стекла. Выглядываю наружу на прикормочной обзорной площадке Вулкано-виста. Только что выпустили облачко планктона. К нему, разинув рты, кидается стайка рыб — в постоянном движении, в неутолимом голоде. За ними являются марлины

и акулы, продолжая зрелище пищевой цепи. В глубине под нами темно. Блестки морского снега. Светятся медузы и те глубоководные создания, что склонны не плавать, а перетекать. Я почти желаю, чтобы стекло треснуло, разлетелось — пусть старик в отражении захлебнется, а череп лопнет под напором воды. Мне и без того кажется, что я тону, пока все кругом усердно бросают якоря.

Здание, в которое я спускаюсь, — поплавок, притягивающий к себе жизнь, которая с глубиной становится все более странной. На девяносто девятой атмосфере мимо проплывает каракатица-вампир, медленно, сияя голубыми глазами. Тут все движется неспеша — там, где нет тепла и солнечного света, приходится экономить энергию. Этот вид старше динозавров. Каракатица выворачивается наизнанку: видимо, кто-то ее преследует. А, нет, ее напугали гигантские мусорные брикеты, подвешенные на парашюте тяжеловесной механической медузы. Мы уже приближаемся к уровням, населенным Большими Деньгами. Чем глубже спускаешься, тем богаче жильё.

На 177 атмосферах — на дне океана — лифт замедляет ход и останавливается. Снаружи черные жерла вулканических источников, они и дают геотермическую энергию. Здесь черви-зомби перемалывают в мелкий песок китовый скелет. Я замечаю фюзеляж пассажирского самолета — сохранившуюся на десятилетия память о Великой Солнечной буре, сбившей с небес все самолеты. О, и пушечное ядро старинного пиратского

корабля — уж не то ли, что я уронил сверху столько лет назад?

Лифт дает гудок, и я снова разворачиваюсь к отражению. За дверью женщина, которая должна мне помочь. Самый давний и, может быть, самый дорогой друг. В былые годы, до того как стать для всех божеством, она не раз называла меня своим лучшим другом. Тогда я слышал это от многих. И радовался, пока не заметил, что у окружающих меня людей нет друзей. И неспроста — кто бы еще вытерпел таких мудаков? Что до Акиры Кимуры — дело, пожалуй, было в том, что поладить с умнейшим человеком на Земле не так просто.

Акира вызвала меня из тени, чтобы сделать телохранителем, как в былые дни. Говорила о беспричинном ощущении опасности. Видения. Аура. В который раз я слышу, что она никому не верит, кроме меня? Впрочем, Акира всегда страдала легкой паранойей. Обещала хорошо заплатить — достаточно, чтобы выманить меня из норы. Странные они, эти Большие Деньги. Задаривают друг друга вещицами и выпивкой ценой в годовой доход обычного человека. А если кто не из их числа, тот должен отрабатывать. «Я дам тебе вот это, только сделай для меня кое-что». Потому что они помнят: подарок нижестоящему — это действительно дар, а не сделка. А ни бедные, ни богатые не желают ничего отдавать бесплатно.

Я поворачиваюсь к встроенному в лифт распознавателю лиц. Пропуск на меня готов — она не обманула.

Дверь уже вот-вот раздвинется, когда меня вызывает по ИЭ жена. Сообщение зависает перед самым лицом — значит, особой важности. Умеет же Сабрина выдернуть в самое неудобное время! Впрочем, не стоит обманываться — не так уж трудно ей меня просчитать. Когда не осталось любви, всякое время неподходящее. Я подхватываю зависший в воздухе ИЭ и запихиваю его в кармашек на плече, а сам выхожу в пентхаус.

Обставлена комната скудно. Эта женщина живет на работе, при своем телескопе, так что домашние кресла ей ни к чему. Я прибыл раньше времени. Примерно на полчаса, так что можно осмотреться. Не похоже, что Акира дома. Странное дело — болезненной пунктуальностью она превосходит даже меня. Я заглядываю в океаноскоп, просматриваю атмосферы насквозь. Сплошь современная подводная архитектура, освещенная биолюминесценцией. Жилые дома, аквакурорты, особняки — все соединяется светящимися вакуумными трубками. Словно квартал небоскребов двадцать первого века перевернули вверх тормашками и уронили в океан. Похожие на гигантских крабов дроны-мусорщики подхватывают брикеты отбросов и, перебирая механическими лапами, спешат к поверхности. Все питается гидроэнергией, кинетической энергией, геотермической энергией. Сточные воды фильтруются и прессуются в биотопливо. Рекламные голограммы гоняют по кругу свою позолоченную добычу, уверяя всех и каждого, что можно жить вечно и притом выглядеть на миллион долларов. Подводный

город в постоянном движении: собирает данные о наших привычках, чтобы создать более эффективный мир. Подводная панорама, смазанная американским жиром.

И тут я вижу зелень. Крошечное облачко выбивается из-под двери спальни и пахнет парфюмерной амброй.

Вхожу в спальню и хорошенько осматриваюсь. Все как обычно. Мебели здесь не много: только шкафчик, японский чайный столик с двумя пуфиками и гибернационная АМФ¹-капсула в форме пули — за такую высший класс готов убивать. Я чую кровь. Слышу, словно фальшивый аккорд. Но ничего не видно. Хотя я и дальтоник, но знаю, как выглядит кровь. Здесь ее нет.

Зато парфюмерный запах перебивает все остальное. И меня пробирает. Другие его не чувят. Такое не передашь на холсте или на сцене. Я сотни раз пытался нарисовать — ничего не получается. Убийство пахнет чистой серой амброй, только я знаю это. Смерть красная, убийство зеленое.

Наконец начинаю различать. Чуть заметные красноватые круги расходятся от гибернационной капсулы, а герметичная линия стыка очерчена зеленым. Эта штука так устроена, что наружу ничего не просачивается. Значит, убийство заперто внутри.

Я подхожу, пытаюсь открыть. Не поддается. Старомодный висячий замок крепко стянул рукояти

---

¹ Аденозинмонофосфат (здесь и далее прим. переводчика).

автоматического открытия. Я достаю нож, подаю нагрев на лезвие и срезаю толстую дужку. Замок, звякнув, падает, и я открываю люк. Из капсулы поднимается туман. Я смахиваю морозное облачко. Внутри камеры светится плотный, окутанный дымкой слой. Там, под азотом, замороженное тело, но проглядываются только согнутые, отталкивающие крышку ладони, а лица не рассмотреть. Я вновь достаю нож и кромсаю твердый азот. Он крепче льда. Я увеличиваю нагрев лезвия и кромсаю, кромсаю. Глыба раскалывается. ИЭ предупреждает о резком скачке кровяного давления и учатившемся пульсе. Я затыкаю его и разворачиваю лезвие туда, где должна быть голова.

Я в отчаянии. Должен увидеть, она или нет. Я со всех сил втыкаю нож в глыбу. Еще раз, еще. Чем ближе к лицу, тем сильнее запах. Зеленый смрад выворачивает наизнанку, но я должен знать. Вдруг там Акира. Я режу, проворачиваю лезвие. Осколок вылетает из камеры и скользит по полу. Я заглядываю внутрь. Глаз. Открыт. Она никогда не спит, она все видит. Зрачок мутный. Свиваются еле видные струйки зелени. Акира Кимура, одна из величайших умов человечества, превратилась в бездыханный лед.

Я выпрямляюсь. Закрываю глаза. От запаха раскалывается голова. Замок — значит, ее там заперли. А зелень... это не самоубийство — убийство. Я задумываюсь, но в таком потоке мыслей трудно выловить подробности. «По порядку, — говорю я себе. — Ты детек-

тив. Отбрось личное. Действуй по инструкции». Но, глядя на сломанный замок и тающие на полу осколки азота, я понимаю, что уже пересек черту.

Я вызываю шефа и докладываю. Он сперва думает, что я его обманываю. Он никогда меня не любил, и не-любовь эта взаимная.

— Самая лучшая ученая в мире мертва? Ну-ну,— говорит он.

— Вы что думаете, я шутки шучу? — отвечаю я.

— Да уж, пожалуйста, не шути.

Трудно убедить человека в смерти полубогини — особенно если он всю жизнь прожил, будто играя в симулятор. Боги не умирают, сколько симов ни вводи в квантовый комп. Дрожащим голосом рассказываю про замок, про камеру и руки, согнутые в усилии столкнуть крышку. Про мутные глаза. Поняв, что я не шучу, он начинает задавать правильные вопросы.

— Неисправность капсулы?

— Я же говорю, замок. Кроме того, кто-то вместо АМФ закачал туда азот. И вообще, эта капсула управ-ляется изнутри.

— Пособничество в самоубийстве?

— Не складывается,— возражаю я.— Кто спит по ночам в АМФ-капсуле, явно рассчитывает жить вечно.

Про зелень я ему не говорю. Никогда не говорил. И молчу о том, что, потребуйся Акире Кимуре помощ-ник в самоубийстве, она бы скорее выбрала меня.

Вздыхнув, он задает самый очевидный вопрос.

— Зачем кому-то понадобилось ее убивать?

Я не знаю ответа. Шеф требует, чтобы я не двигался с места, пока он не придет лично. Мы должны взять под охрану место преступления и подтвердить, что это она. Нужно избежать потока дерьма в СМИ. Такова инструкция. Потом он спрашивает, какого черта меня туда занесло. Я говорю правду: она — мой старый друг. Опасаясь за свою безопасность, она предложила мне работу.

— Ее ИЭ? — спрашивает он.

Она никогда не пользовалась ИЭ. Даже когда выбивалась из сил, спасая мир.

— Ее можно спасти? — спрашивает шеф.

Маловероятно. В отличие от других Больших Денег, Акира не запаслась искусственно выращенными органами. Она была старомодна до мозга костей. Шеф велит мне не двигаться с места. Но я больше не могу здесь оставаться. Это уже не головная боль, а настоящая мигрень, и запах меня душит. Мне нужно выйти. Но нельзя. Что-то я упустил.

Я подхожу к камере и жму кнопку нагрева — будь я в своем уме, начал бы с этого. Я приказываю себе не спешить. Думай. Жди. Соблюдай инструкцию.

Азот тает, вентиляция камеры вытягивает жидкость. Первыми появляются кисти рук, потом предплечья. Упиравшиеся в крышку руки отделяются от плеч и падают вдоль тела. Я отступаю на шаг. Теперь ступни. Бедра. Отделены от икр по линии коленей. Я вижу ее глаза — даже мертвые, они, как всегда, смотрят вверх. Всматриваются — они вечно всматривались, как я

теперь в нее. А вот голова соскальзывает с плеч, переворачивается вниз лицом и покачивается в лужице жидкого азота.

Кто-то запер камеру и под давлением накачал АМФ. Может, Акира успела в испуге вскинуть руки. Только было поздно. Такое количество закачанного ей в нутро АМФ мгновенно погрузило ее в сон. И тогда кто-то порезал ее на куски. Так аккуратно, что тело не распалось, а Акира не проснулась.

Потом кто-то запустил внутрь азот, чтобы превратить ее в лед. Зачем он навесил замок? Я знаю зачем. Это же Акира Кимура. Тот, кто это делал, наверное, решил: она придумает способ собрать себя заново и выбраться наружу. Такие мысли непременно придут в голову, когда убиваешь живое божество.

Я закрываю глаза, набираю воздуха в грудь и продолжаю изучать. Разрезы сделаны с хирургической точностью. Туловище рассечено по диагонали от грудины до тазовой кости. Я отворачиваюсь. Пинком отбрасываю к стене срезанный замок, закрываю лицо руками и бессильно опускаюсь на пол.

Не знаю зачем, но я рассказываю шефу, что, по крайней мере, она хорошо провела жизнь. Добилась успеха и долго прожила. Неуместные сантименты — вместо того чтобы выбираться из этой комнаты. Шеф твердит, чтобы я оставался на месте. Но зеленые струйки уже слились в тонкий ручеек, вырывающийся за дверь спальни. Я вижу, как они плывут к лифту. Я не могу видеть Акиру такой. И не могу допустить, чтобы след простыл.

В лифте я, наконец, могу свободно дышать. Стараюсь успокоиться. Шеф уговаривает расслабиться. «Остынь, старина, ты доведешь себя до инфаркта». А я, не знаю зачем, снова повторяю: «По крайней мере, она добилась успеха. По крайней мере, прожила хорошую жизнь». Шеф говорит: «Довольно об этом». Помолчав, заговаривает о той траве, что всегда зеленее. Откуда мне знать. Для меня зеленым бывает только убийство.

2

В раннем детстве у меня диагностировали два синдрома: дальтонизма и синестезии. Дальтонизм объяснить довольно просто. Я, как и большинство дальтоников, не вижу красного и зеленого так, как их видят другие. Сейчас, когда в амфибе с плавными крыльями я скольжу над островом к телескопу Акиры, лава внизу выглядит желто-бурой. Джунгли, похожие на просвеченные солнцем столбы дыма, видны в разных оттенках бежевого. Я взлетаю повыше. Буро-желтое сливается с бежевым, растворяется.

А вот синестезия может проявляться очень по-разному. Попросту говоря, при этом состоянии человек ощущает в двух различных диапазонах. Большинство синестетиков не только слышит музыку, но и видит ее будто цветные завитки. Другие ощущают некоторые звуки, вроде плача младенцев, как ожоги на коже, а кто-то, коснувшись шершавой поверхности вроде старого бетона, из которого раньше строили дома, ощущает вкус рыбных вафель. Некоторые при звуке капли чувствуют запах серы. Есть люди, которые видят

числа и слова по-особенному. Например, малое число вроде двух кажется ближе к глазам, чем двести. А для кого-то слово «большой» на странице выглядит крупнее других.

Все это теория, которую многие ученые считают обычными галлюцинациями. О своих я не рассказываю, потому что это похоже на сумасшествие — как будто хищные иллюзии вырвались за рамки реальности. Но как правило синестезия логично укладывается в пять основных человеческих чувств: зрение, слух, вкус, обоняние, осязание. Это общеизвестная синестезия — та, которая утешает нас сознанием, что все мы воспринимаем мир в общем и целом одинаково.

И моя синестезия, возможно, проросла из обычной. Что ни говори, речь о зрении и обонянии. Только запускают ее вещи, которых мне чувствовать не полагалось бы. Если музыка по-настоящему трогает, откуда-то из глубины всплывают красные ноты. Убийство — заранее и потом — доходит до меня струйками зелени. Смерть гуще музыки и всегда является красным облачком. Насилие радуется цветами, недоступными в обычных обстоятельствах. И только неизбежное убийство — как в минувшую войну — заставляет эти цвета сливаться, смешиваться.

Никто и слушать не станет про такую чушь. Не верят, и я их не виню. Не раз говорилось, что человеческий мозг — машина предсказаний, так что, быть может, моя предсказывает больше необходимого, выплескивая волны подсознательного. Синдром Шарля

Бонне — у меня повреждено зрение, и я сознаю не-реальность увиденного. Бред, уловка сознания. Мозг, сколько его ни изучают, во многом остается загадкой. Даже Акира не разобралась. Однако немые от рождения люди часто слышат голоса в голове. И при этом в их мозгу наблюдается возбуждение слуховой зоны. Шанс, что есть еще люди со всеми четырьмя моими синдромами,— один на миллиард, а ведь они должны проявиться одновременно, чтобы все сработало. Да, то, что я вижу,— не настоящее, но это не значит, что оно неправда. У меня невиданный в истории полиции процент раскрытых убийств. Дальтонизм много лет как лечится, но мне в голову не приходило лечить свой. И бывало, случалось предотвращать преступления, которых никто не мог бы предвидеть. Так что я, хоть и не стал легендой, как Акира, зато сберег ее, позволив исполнить роль героини.

Шеф то и дело меня вызывает, так что я начинаю злиться. Ему со мной не тягаться. У него и уровень допуска куда ниже моего. Он еще никого не спас. Почему он не даст мне делать свое дело? Блокировать его вызовы я не могу — мой ИЭ запрограммирован на подчинение начальству,— и я, чтобы отвлечься, выглядываю из амфиба вниз.

Вот голубой я вижу так же ярко, как все люди. Амфиб взлетает все выше, и морская синева вокруг острова пробуждает воспоминания. Мой отец, гидронавт, работал на аквастройке в те времена, когда инженеры и архитекторы попытались возвести первый